

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323

Кашаф Ш.Р.

ПОЛИСУБЪЕКТНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВЫХ ГРАНИЦАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ: КРЫМСКИЙ КАЗУС

Изучение проблем формирования на современном этапе национальной идентичности должно учитывать изменяющиеся границы российского политического сообщества. Основываясь на методологии теории дискурса и эмпирических исследованиях, автор рассматривает символическую элиту мусульманского сообщества России как актора конструирования российской национально-государственной идентичности. Производимые ею в публичном пространстве Крыма дискурс-коммуникационные события становятся значимым фактором в контексте российского нацестроительства.

Study of the problems of formation at the modern stage of the national identity should consider changing boundaries of the Russian political community. The author (who is based on the methodology of discourse theory and empirical studies) examines the symbolic Russian elite of the Muslim community as a actor construction of Russian a national and State identity. Political discourse produced by it in the public space of the Crimea becomes a significant factor in the context of the Russian nation-building.

Ключевые слова: актор, дискурс, крымские татары, мусульманское сообщество, национально-государственная идентичность, политика идентичности, политическое сообщество, символическая элита.

Keywords: actor, discourse, Identity politics, national and State identity, the Crimean Tatars, the Muslim community, the political community, the symbolic elite.

Кардинальные социально-политические изменения, охватившие в последние десятилетия глобализирующийся мир, резко актуализировали публичные дискуссии о современном понимании национальной идентичности, ее переосмыслинии и новом утверждении как ресурса национального развития. Оказываясь в предметном поле политического анализа, национальная идентичность, под которой в литературе подразумевается «идентичность национально-государственного сообщества и коллективное самосознание его граждан как членов такого сообщества» [1, с. 80 – 86], концептуализируется как многомерный и многоуровневый политический феномен и теоретический конструкт, в той или иной степени соотносящий государственную, гражданскую, этническую и социокультурную составляющие.

Констатируя тот факт, что сегодня процессами формирования и поддержания национальной идентичности охвачены практически все государственные образования независимо от особенностей государственного устройства общества, следует отметить их особую важность как для тех некоторых государств, уверяющих, что они многонациональны и единая нация им не нужна, но даже и они, по мнению И. Валлерстайна, пытаются создать у себя некую идентичность, которая объединяла бы все государство [2, с. 139], так и для такого гетерогенного политического сообщества, как Россия, все еще остающегося, говоря словами В.А. Михайлова, члена Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, «сложной, неравновесной системой, в которой потенциалы согласия и конфликтности сохраняются почти равновеликими» [3].

Особенностью развития миропорядка в XX в. стала радикальная «перекройка» национально-государственных границ, потребовавшая и переопределения идентичностей, которое позволило бы эффективно легитимизировать новые демаркационные линии в общественном сознании.

Как становится все очевиднее с началом второй декады XXI столетия, отличительной чертой этого века может оказаться существенное изменение пределов политических сообществ («шрамов истории» по образному выражению французского философа О. Маркара) вследствие трансформации и/или конструирования новых идентификационных ориентиров. Когда в результате движения от одного образа жизни к другому, от одной культурной идентичности к другой (для обозначения такой модели культурной идентичности В. Н. Бадмаев вводит понятие «культурный номадизм» [4, с. 44]), границы идентичности людей, наций, отделяющие «нас» от «них», становятся настолько подвижными и размытыми, что могут вобрать в себя более широкие группы индивидов. А в состоянии острых социальных, идейных и ценностно-идентификационных кризисов – настолько неустойчивыми и хрупкими, вплоть до тойнбиеевского «напряжения границ», что могут не удерживать большие сообщества в пределах своей национальной государственности.

Сегодня наблюдателями фиксируется повсеместная активизация устремлений многочисленных периферийных регионов реализовать притязания на культурную и цивилизационную самобытность. В результате, как уточняет известный авторский коллектив из Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН), «понятие национального расщепляется: в зависимости от контекста оно может прочитываться как атрибут нации-государства, а может наполняться сугубо этническими и даже примордиальными характеристиками» [5, с. 40 – 59].

В условиях новых исторических реалий, напряжений и конфликтов, высокой степени гибридизации и политизированности идентичности, ведущих к кардинальной трансформации национальной идентичности, в повестке дня все настойчивее звучит вопрос не только о переосмыслении последней, но и о переоценке государственного суверенитета, вплоть до права народа (сообщества) на самоопределение. Однако у такого «напряжения» в обществах, переживающих ломку недемократических

институтов на этапе, когда «расшатаны критерии своего опыта» (В.Л. Цымбурский), есть и своя оборотная сторона. Критический настрой переходит грани, за которыми самоидентификация с национальным сообществом оборачивается безусловным отрицанием его опыта; суверенитет, самостоятельность и целостность страны перестают быть безоговорочными категориями, теми «красными линиями», применяя выражение В. В. Путина, за которые нельзя никому заходить.

Можно с уверенностью утверждать, что еще никогда ранее в мировой истории проблемы противостояния цивилизационных стандартов и ценностей национально-культурной идентичности не оказывались настолько широко распространенными, злободневными и решающими для жизнеспособности государства и выживания народов, как в современную эпоху. Жизнь в современном мире, как отмечает рефлексирующий происходящие кардинальные перемены В. М. Межуев, не укладывается в привычные для большинства людей границы их традиционной самоидентификации – цивилизационной, религиозной, культурной, национально-государственной и пр. И хотя границы еще сохраняются, но они уже не могут вместить в себя все содержание человеческой жизни в глобальном обществе: «возникает ситуация «кризиса» всех существующих форм идентичности, когда ни одна из них не гарантирует человеку сознания его современности» [6, с. 110].

Такая констатация соотносится и с политическим дискурсом Президента России В. В. Путина на Международном дискуссионном клубе «Валдай» 19 сентября 2013 г., где, выступая на юбилейном заседании известных экспертов, специализирующихся на изучении российской внешней и внутренней политики, он подчеркнул, что с необходимостью поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире сегодня в той или иной форме сталкиваются практически все страны и все народы. А для России, по словам главы государства, вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит «фундаментальный характер» [7].

Задавая своим докладом импульс всеобщей дискуссии на Валдайском форуме, тематически посвященном обсуждению различных аспектов национальной идентичности, В. Путин, по сути, предложил различным общественным и полити-

ческим силам, светским и религиозным акторам активнее включиться в процесс политического, идеального, концептуального оформления идеологии национального развития. В ее фокусе должна оказаться внутренняя гармония нации, которая конструируется как содержательная совокупность лиц, соединяемых историческими, языковыми, религиозными и культурными связями, имеющих духовно-нравственные ориентиры, стремящихся к ценностной интеграции.

Помещая в сердце философии конструирования российской нации прежде всего развитие человека, В. Путин в качестве необходимого условия сохранения единства страны определяет «формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями» [7].

Заявленный президентом конструирующий принцип российского нациестроительства в значительной мере согласуется с рефлексией, содержащейся в современном научном дискурсе, в котором проблематика национализации (в политическом значении этого понятия), национальной (государственно-гражданской) идентичности также осмысливается преимущественно в русле конструктивистских подходов.

Инструментально конструктивизм как методологическое направление реализуется через категоризацию, ситуативные действия, когнитивные смыслы, действия, проекты, политические институты, события. При этом роль государства исследователями, рассматривающими идентификацию через призму политического проектирования и повседневной социальной практики, фиксируется как легитимная сила лояльной власти, способной «именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто, которая располагает ресурсами насаждать категории и классификационные схемы возможностями организации прошлого опыта» [8, с. 91].

Важно отметить: не только государство обладает способностью категоризировать и идентифицировать, на что обращает внимание специалист в своей предметной области Л. М. Дробижева, ссылаясь на мнение известного конфликтолога Ч. Тили и других ученых, следующих когнитивистскому

подходу (прежде всего Д. Хандельман и Р. Брубейкер). Современный анализ «разговора об идентичностях» и политики идентичности формируется интерактивными дискурсивно обусловленными процессами, «через которые осуществляется самопонимание и даже вырабатывается коллективная солидарность» [9, с. 37].

Помимо государства в формировании и конструировании общих ценностей, смыслов и ориентиров развития и групповых идентичностей участвуют многие субъекты, представляющие структуры гражданского общества, религиозные организации, политическую и интеллектуальную элиты, иные акторы, участвующие в дискурсе национальной идентичности не только «сверху», но и «снизу». Для многих российских адресатов путинского призыва, кого глава государства на Валдайском форуме приглашал к со-конструированию нации, уже вскоре неожиданно серьезным испытанием стали революционные потрясения в сопредельном с Россией государстве – на Украине и гражданская реакция на них в Автономной Республике Крым. На рубеже 2013 – 2014-х гг. противостояние социальных и социокультурных идентичностей на Украине приняло критические формы на фоне политизации дебатов о целесообразности ассоциирования с Европейским Союзом. Конфликт идентичностей стремительно перерос в идентификационный кризис, фундировавший раскол всей политической системы и государственности страны. Спровоцированные национальными политическими и олигархическими элитами «битвы за идентичность» граждан Украины (идентификационная матрица многих из них не исключает сильного и органичного влияния российской цивилизации и русской культуры) вылились в не менее яростные и драматичные схватки, чем жесткая борьба за власть.

Активным неприятием большей частью жителей южных и восточных территорий Украины были встречены недемократичные методы, которыми прежде всего носители западноукраинской идентичности, характеризуемой А. И. Миллером как более энергичная, консолидированная, наступательная и агрессивная [10], по сравнению с ее противоположностью на юго-востоке, гегемонически навязывали тотальную украинизированную «перекодировку» общественного сознания всему этнически многосоставному населению.

Политическое и психологическое давление, исходившее с Майдана на все более деморализующийся официальный Киев, придавало идентификационному хаосу в стране больший размах и черты смутного времени, «когда таяло вещества мозга и стачивались ткани сердца» (В. В. Розанов). Украинский национализм «площадных революционеров» преследовал цель маргинализировать альтернативные артикуляции русского этноса и так называемых русскоязычных людей, не утративших этнического самосознания и не воспринявших в постсоветской Украине негации русского и российского национального дискурса, особенно в многонациональном Крыму. Однако дискурсивная борьба с Другими достаточно быстро была подкреплена силой боевого оружия. В итоге автомат в руках сторонников европейского прочтения украинской «незалежной» идентичности сделался их главным аргументом.

Переломным моментом для жизнеспособности украинской государственности стал февральский «антиконституционный переворот и вооруженный захват власти» [11]. Естественной и практически необратимой реакцией на «классический переворот» в Киеве явилось желание народа Крыма выразить свое неприятие нелегитимной смене власти и воспользоваться правом прямого волеизъявления через процедуру референдума о вхождении автономии в состав России.

Как уточнил В. Путин в ходе «Прямой линии» в эфире федеральных телеканалов и радиостанций, на Украине «угрозы в отношении русскоязычного населения были абсолютно конкретными и осозаемыми» [12]. Именно эти противоречия и риски, связанные с всплеском национализма в стране, наступлением на права национальных меньшинств, свертыванием политического диалога власти с народом и началом силовых действий против гражданского населения на юго-востоке страны, в понимании президента стали главными побудителями для граждан Крыма, оказавшихся в высшей точке бифуркации, чтобы задуматься о своём будущем и обратиться к России за помощью.

Можно сказать, что в ситуации крымского казуса лумановское «то, что противоречиво, конечно же, определено» [13, с. 475], получает дополнительные основания, чтобы убедиться в справедливости этой ресноты. Не менее важной для нашей рефлексии оказывается и другая часть в рассуждениях Никласа Лумана, который в противоречии видел нео-

пределенность системы, а не отдельных операций. Он наделяет противоречие сигнализирующей функцией, призванной сообщить о том, что «социальная система может прекратиться». Однако «сам сигнал лишь предупреждает»; являясь лишь событием, он вызывает соответствующую реакцию в виде действия [13, с. 489]. Оттого противоречия часто еще называют «стартерами системного движения» или «приводами диалектического развития» [13, с. 483].

Лучше понять своеобразие «политического» в событиях крымского «напряжения границ» идентичности позволяют нам и труды Карла Шmitta, которые на протяжении последнего десятилетия вновь обрели актуальность. Центральные элементы философского учения немецкого классика очевидно перекликаются с основными движителями общекрымского плебисцита. В частности, с его положением о возможности противоположностей усиливаться до степени политических и вызывать образование боевых групп «друзей» или «врагов». Шmittt, прекрасно осознавая эту достижимость, ведущую к расколу, всегда заложенному в гегемонической практике, указывает на то, что, пока народ существует в сфере политического, он должен – хотя бы и только в крайнем случае – самостоятельно определять различие друга и врага. «В этом состоит существо его политической экзистенции, – подчеркивает немецкий философ. – Если у него больше нет способности или воли к этому различию, он прекращает политически существовать» [14, с. 52].

Политическая экзистенция крымчан в ситуации радикальной неопределенности и стала тем самым альтернативно необходимым, что, говоря словами популярнейшего словенского философа Славоя Жижека, и учреждает момент субъектности. Сам народ объективировался в субъекта, «призванного, неожиданно вынужденного давать отчет, брошенного в ситуацию ответственности, в безотлагательность решения, обусловленную неразрешимостью момента» [15, р. 189]. В этом смысле жители Автономной Республики Крым, осознавая, что анархия штурмовиков Майдана способна разрушить государственные институты, что неминуемо приведет к тяжким последствиям для страны, ее национального идентитета, смогли превозмочь свои экзистенциальные страхи и противопоставить неуправляемому радикальному хаосу националистов организованное сопротивление. Не приемля февральского пере-

ворота как способа нелегитимной смены режима, а также одновременно ощущая мощную поддержку исторически и ментально близкой России, народ Крыма проявил себя в роли того самого субъекта, «который был бы способен осуществить выбор в ситуации неопределенности, принять новое властное решение, которое послужит основанием для новых институтов и правил» [16, с. 106].

Как мы неоднократно убеждались, смысловой код гражданского выбора, облеченный в семантический знак («галочка», «плюс» или любой другой, проставленный участником голосования в соответствующей графе бюллетеня), может становиться очередным симулякром [17], никак не изменяющим реальность. А может, при определенных условиях, что и случилось в Крыму, превратиться в эквивалент особой политической значимости, освобождая индивида и огромные коллективы от власти дискурса, подрывая структуру господства и подчинения в пространстве Другого. «Политическое» в Крыму прорывается на пике противоречия в смысловое поле, в котором и протекает борьба за гегемонию, присоединяясь в момент народного волеизъявления к семантике знака.

Политические последствия крымского плебисцита выражаются также и в установлении его участниками «самопроизведенных границ» [см.: 18; 19]. Проголосовав за воссоединение с Российской Федерацией, новым «местом поведения» народов Крымского полуострова становится политическое сообщество под названием «Россия». Уже в его пределах будет конструироваться российская национально-государственная идентичность.

В известной степени крымский казус проблематизирует само понятие национальной идентичности, позволяя обсуждать процессы ее формирования и переопределения в фокусе политической субъектности, коммуникативной детерминированности и «дискурсивизации» социального мира, если мы соглашаемся с тем, что «коллективные идентичности являются коммуникативными конструктами, дискурсивными фактами» [20, с. 23]. Диалектика крымского плебисцита, состоявшегося 16 марта 2014 г. как важное политico-коммуникативное событие – не только в масштабе полигэтнонационального полуострова, на территории которого сегодня мирно сосуществуют две крупные религиозные группы – христиане (православные) и мусульмане, но и в общеукраинском и общероссийском изме-

рениях – не может осмысливаться вне дискурсивных рамок политического действия. Он смешает дискурсивную гегемонию радикального Они, с отделением коллективного «Мы» в пользу Иного. Собственно, субъект, согласно известной трактовке постструктураллистских теоретиков дискурса Эрнесто Лаклау и Шанталь Муф, и приобретает свою идентичность в дискурсивных практиках [21].

Для нашего исследования важно также отметить: решение о воссоединении Крыма с Россией, которое как правильное признается подавляющим большинством россиян (96%), согласно выводам Всероссийского центра общественного мнения [22], оказывается вновь решающим моментом и в судьбе исторических связей русско-мусульманского мира. На протяжении многих веков в становлении и развитии культуры полигэтноконфессионального состава населения Крыма религия играла существенную и даже определяющую роль, ислам же был и остается здесь одним из фундаментальных факторов формирования социокультурной идентичности крымских татар-мусульман и политическим фактором межконфессиональных отношений. Драматичные события в этом регионе, тесно связанном с Россией «тысячами и тысячами нитей и связей», потребовали от реципиентов валдайского дискурса президента из числа мусульманских акторов быстроты ответного отклика и непосредственного соучастия.

Размышления о взаимовыгодном сотрудничестве внутри русско-мусульманского мира, который, по словам крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского (1851 – 1914), залегает «между европейскими и монгольскими мирами... на перекрестках всех дорог и сношений торговых, культурных, политических и боевых» [23, с. 61], сегодня вновь актуальны в контексте крымско-татарской проблематики. Особенно если учитывать, что среди 2,2 млн жителей полуострова, о чем сказал президент Путин в своем обращении перед подписанием в Кремле исторического соглашения с крымскими руководителями, «порядка 290 – 300 тысяч крымских татар, значительная часть которых, как показал референдум, также ориентируются на Россию» [24].

Крымские татары, подвергавшиеся вместе с некоторыми другими этносами многонационального Крыма депортации [25], являются ведущей этнической группой среди мусульманских народов по-

луострова и материковой части Украины. Вместе с тем нельзя игнорировать наличия в новом субъекте Федерации мусульманской этнокультурной страты, сохраняющей, по отзывам экспертов по исламскому сообществу, «критичность и подозрительность в отношении России», считающей себя «интегрированной частью украинского общества и политической нации», активными участниками государственно-политического строительства современной Украины в качестве «особого субъекта» [26]. Наиболее известными выразителями интересов этой группы населения, обладающей значительным опытом политической борьбы “в силу своей трагической истории и десятилетий борьбы с тоталитарным советским режимом за право жить на своей родине” [27], выступают Рефат Чубаров, председатель Меджлиса крымско-татарского народа (подобие национального правительства), действующего между сессиями Курултая (подобие национального парламента), и Мустафа Джемилев, депутат Верховной Рады Украины, экс-руководитель Меджлиса.

Для современного государства Российской Федерации, политическая юрисдикция которой вновь объемлет Крым, является архиважным, чтобы населяющие его мусульманские народы не только формально согласились с предложенным им гражданством России, но также восприняли и сущность российской национально-государственной идентичности, включающую также в себя «совокупность принципов, ценностей и установок, которые формируют социальную связь между государством и гражданином: набор общих представлений о государстве, видение его роли в мировом сообществе государств, понимание его истории» [28, с. 155]. Выражаясь словами И. Гаспринского, «желательно, чтобы эта еще внешняя, официальная связь приобретала все более и более нравственный характер; чтобы она неустанно укреплялась и оживлялась сознанием не только ее политической необходимости, но и сознанием ее внутреннего исторического значения и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России, открыло пред ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу» [29, с. 27].

Учитывая проблематизацию национальной идентичности крымско-татарского населения [30, с. 74], российское руководство не могло не обратиться к ресурсным возможностям исламских негосудар-

ственных институтов и мусульманской «народной дипломатии». Вполне оправданными и своевременными, на наш взгляд, выглядят и встречные инициативы акторов мусульманского сообщества России, вступивших в дискурсивную коммуникацию со своими «братьями» по вере, истории, культуре.

Немаловажным для организации дискурс-коммуникационных событий (по Т.А. ван Дейку) являются и такие качества влиятельных представителей мусульманского сообщества, как их «сбалансированная позиция и умение говорить с людьми» – достоинства, на которые, в частности, обращает внимание А. Игнатенко, президент Института религии и политики, член Общественной палаты РФ [31]. Как отмечает эксперт, конструктивный дискурс и позитивная политика идентичности в Крыму – то, что сегодня крайне необходимо осуществлять российской власти и тем государственным и религиозным деятелям, которые находятся в активном дискурсе с крымскими татарами-мусульманами. Оценки специалистов находят свое подтверждение в дискурс-анализе корпуса рассмотренных нами публичных выступлений акторов мусульманского сообщества России, ответственно принимающих на себя сложную часть проекта конструирования общероссийских смыслов политики национальной идентичности.

Активизация дискурсивных акторов и агентов символической элиты российского мусульманства (М. Шаймиев, Р. Минниханов, Р. Гайнутдин, Д. Мухетдинов и др.) в публичном пространстве “битвы за идентичность” обусловливается, прежде всего, стремлением раскрыть “новым россиянам” потенциал и преимущества консолидации общества, совместно “выработать такую позицию, которая сделала бы жизнь крымских татар достойной” [32]. При этом выделяемая наблюдателями утилитарная компонента – добиться от Меджлиса и крымских татар-мусульман поддержки новой государственности Крыма и принятия новой власти [33], очевидно, присутствует в акторной деятельности мусульманских «челночных дипломатов» из обеих столиц – Москвы и Казани.

Председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин, являющийся «ключевой фигурой в деле обеспечения взаимоотношений между Кремлем и мусульманским сообществом России» [34], вкладывает в действие крымско-российского воссоединения глубочайший, божественный смысл: «Всевышний

распорядился таким образом, что Крым вошёл в состав Российской Федерации, в связи с чем крымско-татарская нация влиается в двадцатимиллионную умму России» [35].

Реестр аргументаций дискурса Президента Татарстана Р. М. Минниханова, позиционирующего себя на крымской переговорной площадке в качестве «представителя Российской Федерации, субъекта Российской Федерации», редуцируется до представления политических, экономических и социокультурных преимуществ федеративного союза «одной из продвинутых республик» с Россией, приемлемости татарстанского опыта в выстраивании отношений крымско-татарского народа с российским обществом и властью в рамках единого государства [32].

Таким образом, участвуя в дискурсивных практиках и структурах, мусульманские акторы оказываются включенными в формирование идеологии национального развития России, конструирования паттернов национальной идентификации новых членов политического сообщества, для которых после крымского плебисцита радикально изменяется многое – национально-государственная идентичность, территориальные, корпоральные и семантические границы.

Важным критерием эффективности взаимодействия дискурс-коммуникативных атTRACTоров с активом крымских татар-мусульман и российским руководством, бесспорно, является оперативное принятие государственными органами России целого ряда позитивных мер, направленных на поддержку крымско-татарского народа. В их числе – Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», а также решение, затрагивающее одно из фундаментальных оснований национальной идентичности – язык, без которого невозможно развивать высокую (по Геллнеру) культуру. Конструировать многоуровневую идентичность россиян в Крыму отныне смогут на равных правах русский, украинский и крымско-татарский язык, получившие статус государственных на территории нового субъекта Федерации. Закрепление де-юре государственного трилингвизма в его пределах, безусловно, создает необходимую базу для формирования

общероссийской идентичности.

государственно-гражданской

Элиты мусульманского сообщества России, организуя в Крыму публичные коммуникации акторов конструирования национальной идентичности – сообразно принятым в своей символической группе ценностно-идентификационным основаниям, а также социокультурному и политическому контексту – действуют в интересах российской нации, формирующейся в новых границах политического сообщества.

Литература

1. Семененко И.С. Национальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. М., 2012. Т. 1.: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий / [отв. ред. И. С. Семененко].
2. Валлерстайн И. Миро системный анализ: введение / Пер. с англ. Н. Тюкиной. М., 2006.
3. Михайлов В.А. Выступление на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям [Стенографический отчёт] // Президент России: сайт. URL: <http://state.kremlin.ru/council/28/news/16292> (дата обращения: 20.02.2013).
4. Бадмаев В.Н. Культурный номадизм как ресурс глобального развития // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления», Москва, 18 – 22 мая 2011 г. / Под общей ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. В 2 т. М., 2011. Т. 2
5. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Политические исследования (ПОЛИС). 2010. № 3.
6. Межеев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Полития. 2000. № 3.
7. Путин В.В. Выступление на заседании клуба «Валдай». 19 сентября 2013 г. // Российская газ. 2013. 19 сент.
8. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; 2012.
9. Дробижева Л. М. Новые концептуальные подходы к изучению идентичности: взгляд через призму социальной практики // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2013.

10. Вильшанская Е. Две Украины // Профиль. 2014. № 850 (8). URL: <http://www.profile.ru/archive/item/79578> (дата обращения: 04.03.2014)
11. Путин: на Украине произошел антиконституционный переворот и вооруженный захват власти // Интерфакс: сайт. URL: <http://www.interfax.ru/world/362610> (дата обращения 4.03.2014)
12. Путин В. «Прямая линия с Владимиром Путиным». 17 апреля 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20796> (дата обращения: 20.04.2014).
13. Луман Н. Социальные системы. Очерк Общей теории. СПб., 2007.
14. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
15. Žižek S. For They Know Not What They Do: Enjoyment as a Political Factor. 2nd ed. London, 2002.
16. Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.
17. Baudrillard J. Simulacres et simulations. Paris, 1981.
18. Barker R. G. Ecological Psychology: Concepts and Methods for Studying the Environment of Human Behavior. Stanford, cal.: Stanford University Press, 1968.
19. Barker R. G. On the Nature of the Environment // Journal of Social Issues 19/4, 1963.
20. Миненков Г. Я. Идентичность как предмет политического анализа // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. М., 2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. Отв. ред. И.С. Семененко.
21. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics London, New York: Verso. Second Edition, 2001.
22. «Зачем России нужен Крым?» Пресс-выпуск № 2550 // Всероссийский центр изучения общественного мнения: сайт. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114766> (дата обращения: 02.04.2014).
23. Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли заметки и пожелания Исаиала Гаспринского // Исаил бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань, 1993.
24. Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603> (дата обращения: 18.03.2014).
25. Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии / Предисловие, составление, заключение и комментарии Н. Ф. Бугая / Предисловие. М., 2002.
26. Мухаметов Р.М. Мустафа Джемилев: Я горжусь тем, что я украинец // Слово без границ: сайт. URL: <http://wordyou.ru> (дата обращения: 25.02.2014).
27. Чубаров: У крымских татар на Майдане широкий арсенал ненасильственных, но эффективных методов борьбы. URL: <http://gordonua.com> (дата обращения: 20.03.2014).
28. Старостин А.М. Методологические аспекты изучения национально-государственной идентичности в современной политической науке // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4.
29. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань, 1993.
30. Александров Д.А., Амелина Я.А. Крымско-татарское движение в Крыму: 20 лет в поисках пути // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16).
31. Замятина Т. Александр Игнатенко: крымские татары не будут дестабилизирующим фактором в Крыму // ИТАР-ТАСС: сайт.
32. Минниханов Рустам: «Многие до конца не осознают, почему крымские татары отстаивают свои интересы» // Бизнес Online: сайт. URL: <http://www.business-gazeta.ru> (дата обращения: 29.03.2014).
33. Минниханов Рустам: «Крымские ханы правили Казанским ханством. История есть история, ее мы тоже не должны забывать...» // Бизнес Online: сайт. URL: www.business-gazeta.ru (дата обращения: 05.03.2014).
34. The Muslim 500: The World's 500 Most Influential Muslims, 2012. URL: <http://themuslim500.com/download> (дата обращения: 20.01.2014).
35. Глава СМР муфтий шейх Равиль Гайнутдин и муфтий Крыма хаджи Эмирали Аблаев призвали единоверцев к сплоченности // Мусульмане России: сайт. URL: <http://dumrf.ru/common/event/8164> (дата обращения: 28.03.2014).